

ИВАН
АПРАКСИН

ПИРАТЫ РУССКИХ МОРЕЙ

ПОМОРСКИЙ
КАПИТАН

Пираты русских морей

Иван Апраксин
Поморский капитан

«ЭКСМО»

2013

Апраксин И.

Поморский капитан / И. Апраксин — «Эксмо», 2013 — (Пираты русских морей)

Шестнадцатый век... Два молодых помора, Степан да Лаврентий, прослышали, что московский царь Иван Грозный ведет войско к Варяжскому морю, чтобы отбить у шведов исконно русские земли. Уж очень захотелось этим крепким парням, которые нерпу убивают из лука, попадая прямо в глаз, освоить искусство стрельбы из пищали. Да и красные кафтаны стрельцов из тонкого немецкого сукна поносить захотелось. Вот и завербовались Степан с Лаврентием в стрелецкое войско под командованием боярского сына Василия Прончищева. Но не повезло поморам. Под Нарвой попали они в шведский плен. Так и сгинуть бы им в том плену, если бы Лаврентий не унаследовал от своего деда-колдуна магический бел-горюч камень Алатырь...

Содержание

Глава I	6
Глава II	18
Глава III	32
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Иван Апраксин

Поморский капитан

© Апраксин И., 2013

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2013

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

*Ставь же свой парус косматый,
Меть свои крепкие латы
Знаком креста на груди!*
Александр Блок

Глава I

Стрелецкий заслон

– Изготовиться к пищальному бою! – пронзительно закричал сотенный начальник – боярский сын Василий. Голос его от волнения сорвался, и последнее слово прозвучало тонко, попетушиному.

Вышло смешно, но никто не рассмеялся: стрельцы сосредоточенно сыпали порох на затравочные полки. Сотенный Василий был совсем молод – ему едва исполнилось восемнадцать, но он воевал уже больше года, и все вокруг знали – он не трус. И сейчас сын боярский не испугался, а просто сильно волнуется. До этого сотня сражалась в составе всего стрелецкого полка. Слева и справа были видны другие сотни, поблизости скакало на сытых конях и отдавало распоряжения начальство – бояре, воеводы. Как говорится, на миру и смерть красна.

А теперь им всем предстояла битва один на один с врагом. И никого не было вокруг, чтобы увидеть их воинский подвиг, или хоть рассказать после о том, как славно сложили они свои буйные головы.

Сотня стрельцов и их командир – совсем юный и светловолосый, как херувим. Они заняли оборону за перевернутыми телегами, которые составили вплотную, наподобие гуляйгорода. Это было их единственное средство защиты от тяжелой шведской конницы, которая непременно должна была появиться здесь.

Да что там – должна: скрытая холмом, она уже приближалась и земля дрожала от топота сотен копыт.

Армия царя Московского снялась с лагеря под Нарвой и теперь поспешно уходила по новгородскому тракту. А сотню стрельцов воеводы оставили в заслоне – задержать шведов, не дать им преследовать отступающее войско.

На войне всегда кому-то не везет. Если армия отступает, нужно ставить заслон. И кто-то должен остаться в этом заслоне и погибнуть, чтобы дать уйти основным силам. На этот раз выбор пал на сотню Василия сына Прончищева. Теперь хочешь не хочешь, а нужно стоять, принять бой и, вероятнее всего, погибнуть. А что остается? Не разбежаться же в разные стороны...

Степан Кольцо и Лаврентий Беляев стояли рядом – в метре друг от друга. Они всегда были вместе, с тех пор как покинули родные места. Вместе шли из Поморья на юг, вместе вступили в стрелецкое войско царя Ивана. Вместе двинулись с полком на Ливонскую войну, затеянную московским государем ради выхода к морю.

Краем глаза Степан следил за Лаврентием: как тот насыпает порох из рожка на полку пищали, как пристраивает длинный ствол на ребре перевернутой телеги. Лаврентий все же моложе на десять лет, ему всего двадцать. По сравнению с двадцатипятилетним Степаном – совсем мальчишка...

Не слишком ли волнуется перед боем? Не дрогнет ли в опасную минуту? Как-никак, опыта у него поменьше.

А вообще Степан думал сразу о нескольких вещах. Он смотрел вокруг и оценивал, правильно ли занята боевая позиция. Верно ли сотник Василий расставил стрельцов? Наверное, в данной ситуации все сделано правильно.

Справа – река Нарова, широкая, с обрывистыми высокими берегами. Слева – густой лес, откуда враг тоже внезапно не подберется. А за спиной – новгородский тракт, изрытый колеями тележных колес, копытами лошадей, покрытый глубокими лужами.

Кстати, о лужах: всю ночь шел дождь, и это было главной неприятностью – отсырел порох. Будут ли стрелять пищали?

Команда изготoвиться к пищальному бою означала, что нужно запалить жгут. От одного стрельца к другому передавали горящий трут, чтобы каждый мог зажечь свой фитиль. Дошла очередь и до Степана – он долго разжигал: сырой фитиль не хотел заниматься.

Глядя, как то же самое делает друг, Степан заметил, как сильно дрожат у Лаврентия руки. Неужели трусит? Не может быть, просто волнуется, как все здесь в эту минуту. А как не волноваться? В боях они уже бывали, а вот так напрямую смотреть смерти в глаза не приходилось.

На вершине холма показалась шведская конница. В лучах неяркого солнца заблестели металлические панцири и шлемы всадников. Первая шеренга, за ней другая...

Быстро оглянувшись, Степан как бы со стороны увидел себя и своих товарищей – всю сотню, стоящих с запаленными фитилями на пищалах в ожидании команды стрелять. Зная, что дело, скорее всего, кончится смертью, с утра стрельцы надели парадную одежду. Упрятали в походные сундуки серые и коричневые кафтаны и нарядились в ярко-красные, из хорошего тонкого сукна. Достали шапки с меховой опушкой, а у кого сохранилось стираное свежее белье, надели и его – перед гибелью.

Перевернутые телеги, и за ними сто фигурок в красных долгополых кафтанах – вот что увидели перед собой с высоты холма шведские кавалеристы. Дымятся фитили на пищалах, трепещет на балтийском ветру боевой стяг московского царства – алое полотнище с цветным изображением Спаса Нерукотворного образа.

– Не стрелять! Не стрелять! – кричит боярский сын Василий. И верно кричит: издалека стрелять глупо, пуля не пробьет железный доспех. Нужно подпустить аршин хотя бы на сто. Тогда уж пуля сразит врага наверняка. Но правда, выстрел будет единственным: перезарядить пищаль времени уже не будет...

Сам Василий сын Прончищев стоял на телеге, одной ногой упираясь в колесо. В руках у него была длинная сабля, как положено командиру. Стрельцы же больше полагались на бердыши – грозное оружие. Пусть не так красиво драться, как с саблей, зато и убойная сила куда больше.

Этой саблей своей сотник Василий часто хвастался на привалах, демонстрируя ее булатную сталь и украшенную резьбой серебряную рукоятку с широким перекрестьем. Сабля досталась ему от деда по матери – крещеного касимовского князя из татар.

– Дед сражался и побеждал, – говорил Василий, любовно оглаживая саблю. – А теперь я на службе у великого государя не посрамлю оружие.

И не срамил, это все знали. Хоть молод был боярский сын Василий и физически не слишком силен, однако саблей владел искусно – с малолетства обучался в отцовском доме.

Шведы скакали молча. Выйдя на исходный рубеж для атаки, они перестроились и теперь надвигались клином. Шесть всадников в первом ряду, двенадцать – во втором, двадцать четыре – в третьем...

Все меньше и меньше оставалось расстояние до стрелецкой обороны. Уже видны морды лошадей, уже видны наставленные вперед пики с гранеными железными наконечниками. Войдет такая пика в тело, и конец, верная смерть.

Стрельцы крестились, не отрывая напряженных глаз от надвигающегося врага.

А вот и вожделенные сто аршин, после которых можно стрелять.

– Пали! – закричал сотник. В следующее мгновение зажженные фитили опустились на затравочные полки. Полыхнуло огнем, грохнули выстрелами стрелецкие пищали. Укрепление сразу заволочло серым пороховым дымом.

У некоторых стрельцов отсыревший порох не вспыхнул – тлел, шипел, но выстрела не произошло. Говорили ведь, что порох нужно всегда держать сухим – от этого зависит жизнь бойца.

Все же стрелецкий залп оказался эффективным: выстрелы скосили первый ряд скакавших конников и добрую половину второго. В наступающем клине произошла сумятица. Раненые лошади бились на земле, упавшие всадники молили о помощи. Строй шведов смешался.

Вдохновленные этим стрельцы принялись перезаряжать пищали. Щурясь в окутавшем их плотном дыму, они торопливо забивали в ствол пулю, сыпали порох, но каждый уже сознавал – не успеть. Очень уж долгий это процесс: зарядить громоздкую и тяжелую пищаль, да еще сырым порохом, да трясушимися от предыдущего выстрела руками...

Полуминутная заминка у шведов закончилась, и клин помчался дальше на стрелецкое укрепление.

Бросив пищаль, Степан схватился за бердыш, перехватив его покрепче. К пищали он всегда относился как к ненадежному оружию. Прежде, до поступления в стрелецкое войско, никогда не приходилось Степану стрелять из этой штуковины. Откуда пищали в Поморье? В Кеми – родном селении Степана и Лаврентия пищали не было ни у кого – только холодное оружие.

Бердыш – тот же топор, только с длинной рукояткой и широким лезвием. А какой мужчина не умеет владеть топором?

Шведы налетели на укрепление. Перепрыгнуть поставленные ребром телеги они не смогли, да и опасно было – за телегами их ждали стрельцы с копьями, саблями и бердышами. Поэтому бились конями о телеги, пытаясь растащить их в разные стороны. Другие пиками пытались достать стрельцов.

Степан с Лаврентием, отчаянно размахивая бердышами, отбивались от двух шведских всадников. Бой кипел вокруг них, слышались крики, звон сталкивающегося оружия, ржание раненых лошадей.

Сколько это продолжалось, никто потом сказать не мог. Казалось, что – бесконечность. Отбить вражеский удар, нанести свой. Отбить – нанести. Пот заливает лоб, от напряжения нечем дышать.

Острая пика распорол широкий рукав кафтана. Застряв в толстом сукне, пика потащила Степана вниз, он оступился и едва не упал. Швед перегнулся вперед, и уже занес над головой зажатую в другой руке саблю, когда подоспел Лаврентий – бердышом он заслонил беззащитную спину своего друга.

В какое-то время враги неожиданно отъехали обратно, и в бою наступила передышка. Степан оглянулся вокруг – среди стрельцов было много раненых. Все-таки пики у шведов длинные, и не все удары можно отбить. Боярский сын Василий прижимал окровавленный платок к своему лицу – острие пики прошло по касательной и распорол щеку. Рана не опасная, но шрам останется на всю жизнь, а при ангельской внешности Василия Прончищева это было обидно.

Хотя думать о будущем было нелепо: бой был только в самом начале. Уже ясно было, что шведский отряд насчитывает не меньше двухсот всадников, и отступать они отнюдь не собираются. А это означало только одно – стрелецкому заслону предстоит погибнуть полностью.

Правда, благодаря этому русская армия уйдет невредимой в сторону Новгорода, под защиту крепостных стен. Но Степан с Лаврентием и их товарищи уже этого не узнают...

Воспользовавшись передышкой, стрельцы вновь принялись заряжать пищали. Все-таки пищальный бой способен нанести большой урон наступающим. На зеленой траве в ста аршинах перед заслоном остались лежать два десятка убитых и раненых шведов.

Сотенный Василий уже не командовал – не мог говорить из-за раны в щеке. Но теперь тактика была ясна уже всем: успеть зарядить пищали и дать еще залп, который, может быть, остановит врага еще на какое-то время. А что потом? Потом – ясно, что...

Зарядив оружие, в ожидании следующей атаки, стрельцы запели «Святой Боже» – они готовились принять смерть в бою. Начал один, потом подхватили соседи по строю, а затем уже запели все, и нестройное, но мощное пение сотни мужских голосов разнеслось над Наровой.

– «Святой Боже, Святой Крепкий, Святой Бессмертный, помилуй нас»...

Шведы снова пошли в атаку. Развернули строй и поскакали на укрепление с еще большим, чем прежде, остервенением. У них тоже были погибшие и раненые, они тоже шли на смерть.

Грохнул пищальный залп, все вокруг снова заволкло удушливым пороховым дымом. Опять заржали лошади и дико закричали упавшие с коней раненые и умирающие.

Теперь уже схватка у телег оказалась короткой: всадникам удалось растащить телеги в двух местах, и поток конных шведов хлынул в образовавшиеся бреши.

Защищать укрепление больше не имело смысла – не стало фронта, враги были теперь повсюду. Единственным спасением оставалось бегство. Но куда? Степан с Лаврентием уже заранее успели решить этот вопрос – прыгать с высокого берега к Нарове и пытаться переплыть реку. Если получится – на том берегу уже не догонят.

Ударив бердышом крутившегося рядом всадника, Степан бросился к берегу. Краем глаза он увидел, что рядом бежит Лаврентий и кто-то еще, а основная масса стрельцов устремилась в противоположном направлении – в сторону леса. А что еще оставалось людям, не умеющим плавать? Лес – это привычное укрытие, а глубокая полноводная река – верная гибель.

Для помора же водная стихия – родной дом. С самого детства Степан учился хорошо плавать. В Белом море вода почти всегда холодная, особенно не поплаваешь, но рядом с домом была речка – там и учился. А потом умение плавать много раз пригождалось и в море: когда нужно было вытаскивать коч¹ на берег и когда однажды судно село на камни возле Груманта². Ох, и ледяная же вода была в тех местах!

Да и что это за помор, который боится воды? Спрыгнув с высокого берега, Степан увидел, что до реки еще аршин пятьдесят, а сзади слышались топот коней и голоса преследователей. Шведы толпились над обрывом, решая, стоит ли догонять беглецов...

К реке они бежали втроем: Степан с Лаврентием и боярский сын Василий – тоже мастер плавать. Но он неудачно прыгнул и подвернул ногу, так что пришлось подхватить его под мышки и тащить к воде волоком.

– Доплыть-то сможешь? – задыхаясь от боя и бега, хрипло спросил Лаврентий своего командира-ровесника. – В воде полегче будет, нога там не нужна.

Но до воды они не добежали, потому что шведы решили все-таки догнать русских и взять в плен. Ватага вражеских воинов попрыгала следом за беглецами, и уже скоро окружили их, повалили на песчаный берег, наставили пики.

Берега Наровы были сплошь усеяны кустами черной смородины. Все время, пока стояли тут лагерем под крепостью Нарвой, стрельцы ходили на берег лакомиться ягодой. Между собой друзья-поморы так и называли это место: сиестер-йокки – смородиновая река. Вот и теперь, стоило Степану открыть глаза после удара сзади по голове, он увидел перед собой смородиновый куст.

Он лежал на мокром после дождя песке и испытывал острое чувство обиды. Он бы добежал до воды и успел переплыть реку, его бы не догнали. И Лаврентия бы не догнали. Куда там тяжеловооруженным шведским солдатам угнаться в воде за двумя поморскими парнями? Да никогда бы не догнали!

Но ведь и нельзя же было бросать сотенного Василия? Нехорошо бы получилось. Человек храбро сражался, потом подвернул ногу, а свои же товарищи его бросили? Нет, не годится...

¹ Поморское судно особой конструкции для плавания во льдах.

² Русское название острова Шпицберген.

Зато теперь все трое оказались в плену. А плен – дело невеселое.

* * *

В том, что плен – невеселое дело, друзья убедились уже очень скоро. Когда, подгоняемые ударами древков пик, они вновь выбрались наверх и вытащили боярского сына, оказалось, что к тому времени шведам удалось взять в плен еще семерых стрельцов.

Всех десятерых пленников окружили всадники и быстро погнали в сторону Нарвы. Хоть Василий и был нетяжел, но волочить его на себе было несподручно, так что пленники менялись, таща сотника попарно.

Подняв на Степана голубые детские глаза, Василий невнятно из-за раненой щеки произнес:

– За то, что не бросили меня на берегу – спасибо. Вернемся в Москву, будете награждены за службу.

«Ты еще вернись теперь в Москву, – подумал про себя Степан. – Боюсь, долго ждать боярской награды придется».

К тому же его резанули слова «за службу». Когда они с Лаврентием подхватили Василия под руки, они меньше всего думали о службе. Сделали это не потому, что Василий – сотник или боярский сын, а потому, что он был их боевой товарищ.

И вообще – при чем тут награда? Разве помощь человеку в беде требует какой-то награды?

Кроме того, Степан вообще не чувствовал себя ниже боярского сына. Да, Василий оказался хорошим сотником и храбро сражался в боях, но чем он лучше других людей? Тем, что он сын родовитого боярина? Род Прончищевых действительно славится стариной и знатностью. За то время, что они с Лаврентием пришли на Русь из Поморья, Степан успел заметить, что здесь люди придают большое значение родовитости. Тот, кто родом или должностью ниже, называет себя холопом, хотя холопом конечно же не является. Старший-боярин называет младшего-дворянина или служилого уменьшительным именем, и ему не стыдно: оба считают такое нормальным...

Даже царь Иван Московский и всея Руси называет своих подданных холопами. Неужели ему нравится быть царем холопов, а не свободных людей?

Поморам эти порядки казались дикими, они не привыкли к таким отношениям между людьми. В Поморье не было бояр, не было дворян, а все занимались одним делом – трудились. Большая часть людей ходила в море – добывать рыбу либо по торговым делам, перевозя пушнину, лес. Другая часть занималась охотой на зверя, благо леса изобиловали разными ценными животными.

Делились только на богатых и бедных. На тех, кто был хозяином и владел кочем, и тех, кто нанимался к нему в работники-мореходы. Именно таким хозяином целых двух кочей был отец Степана Кольцо. Били тюленей и нерпу в Белом море, ставили сети на рыбу. Для этого ходили в море далеко, до самого Груманта на севере и до Мангазеи на востоке. Улов и шкуры возили в Норвежскую землю, отправляли в Москву и еще дальше. Семья Кольцо была самой богатой в Кеми – имели двухэтажный дом с пристройками, и работников-мореходов было больше двадцати человек. Но хозяину и в голову никогда не приходило называть своих наемных работников холопами, рабами. Да и они не позволили бы так с собой обращаться – это было совершенно не принято среди поморов.

Поэтому, оказавшись в стрелецком войске, Степан и его друг Лаврентий Беляев не уставали удивляться непривычным для них московским порядкам.

Друзья-поморы и не оказались бы здесь, если бы не случившаяся беда. Богато и хорошо жили в Кеми, но имелся в этих местах один недостаток – слишком близко было до шведской

земли. А шведам издавна не давали покоя зажиточные поморские села и городки. Больно уж хотелось их грабить и разорять.

Конечно, шведам был нужен какой-то повод для нападений на мирных соседей – времена викингов, грабивших и убивавших без всякого повода, все же миновали. Повод был найден легко: было объявлено, что поморы – не христиане, а язычники, так что каждому порядочному шведскому воину просто необходимо их грабить, а заодно крестить, приводя в христианскую веру.

Русский Север был населен двумя народами: карелами – исконными жителями этих мест, и русскими, пришедшими из Великого Новгорода и других городов и осевших здесь. Все они уже давно были христианами греческого обряда, так что шведские претензии ни на чем не основывались: зачем же крестить уже давно крещенных? Однако над спорными богословскими вопросами шведские отряды не задумывались.

Ранними утрами из северного морского тумана вдруг показывались шведские корабли, и беззащитные поморские поселки становились их добычей. Русский военный гарнизон стоял в Холмогорах, и сменявшие друг друга царские воеводы клялись когда-нибудь поспеть в срок и защитить поморов, но сделать это было трудно.

В один из таких дней беда постигла и Кемь. Степан с Лаврентием ездили на свадьбу в соседнее село и гуляли там три дня, как положено, а когда вернулись, нашли родной городок сгоревшим дотла, а родных убитыми. Шведы вывезли хранившийся в амбарах товар, приготовленный для продажи, а затем запалили Кемь с разных сторон.

Сгорели дома, а самое главное – кочи, на которых ходили по морю. Отец Степана к тому времени был уже староват для морского промысла, так что сын заменял его во всем, и в качестве кормщика корабля – тоже. Научившись у отца, он умел все – вести корабль, ставить паруса, ориентироваться по звездам и прокладывать путь среди каменистых островов. Знал путь на Грумант и в Норвегию, и даже на восток – за Уральский хребет.

Только двух вещей не умел Степан к своим солидным двадцати пяти годам: брать деньги из воздуха, чтобы восстановить разрушенное хозяйство и простить нанесенную обиду.

– Что будем делать? – спросил он своего младшего товарища Лаврентия. – Останемся на пепелище? Будем заново строить дома и кочи? Заново строить жизнь?

Поступить так означало долгие годы провести в нищете, напрягаясь из последних сил, чтобы спустя много лет восстановить разоренное. А потом ждать следующего набега шведских грабителей. И все повторится снова...

Кроме того, это означало бы простить нанесенную обиду. Простить гибель отца и матери, друзей и близких. Смириться с таким значило для Степана не уважать самого себя.

Лаврентий Кольцо – высокий и складный парень-карел смотрел на своего старшего друга и молчал. Он привык слушаться Степана во всем. Родных у Лаврентия не было, он вырос сиротой под присмотром деда, который тоже погиб при набеге.

Оба они остались одни на белом свете, и только им предстояло решить свою судьбу.

И они решили.

– На юге, вблизи Варяжского моря идет сейчас война, – сказал Степан. – Царь Иван Васильевич пошел на шведов. Говорят, побеждает. Шведы – враги московского царя и наши с тобой, Лаврентий, тоже. Пойдем и мы воевать вместе с русским войском.

Так поморы оказались на Ливонской войне. Пришли в Великий Новгород, где совсем уже собрались вступить в городское ополчение, чтобы с ним идти на войну. Новгородцы были для друзей-поморов почти что свои – северные люди, привыкшие к свободе и самостоятельности: охотники, лесорубы, рыбаки с Ильмена. И речь новгородцев была близкой и понятной поморам – наполовину русской, наполовину карельской.

Но тут увидели друзья стрелецкий полк из Москвы, отправлявшийся под Нарву. И не выдержали – вступили туда. Красные кафтаны из тонкого немецкого сукна, шапки с меховой опушкой и красным же верхом! А пищали – невиданное на севере грозное оружие!

Если уж собрались громить ненавистных шведов, то лучше делать это в составе профессионального войска, с хорошим оснащением и самым современным оружием. В стрельцы Степана и Лаврентия приняли сразу: два статных красавца, с сильными руками и метким глазом – оба показали свое искусство бить из лука.

– А пищальному бою в походе обучитесь, – напутственно сказал боярин, командовавший полком и принимавший новобранцев. – Будете не хуже других.

На самом деле боярин лукавил – он понимал, что эти два помора будут куда лучше других стрельцов его полка. Потому что московские стрельцы шли на войну по обязанности, по служивому делу. Кто такие шведы и зачем царю Ивану нужна Ливония, они не знали и не задумывались. А у Степана и Лаврентия имелись веские причины действительно ненавидеть шведов – они сознательно рвались в бой...

К пищалам друзья привыкали долго, лук был куда привычнее. Лук – легкий, прицельно бьет куда дальше пищали. Разве что броню пробить не может, а в остальном...

На тюленя и нерпу охотились именно из лука. Во-первых, с рогатиной или топором трудно подобраться поближе – зверь убежит, даром что выглядит неповоротливым. А во-вторых, и это самое главное – топором да и рогатиной можно испортить шкуру. Стрела же, пущенная прямо в глаз зверю, – идеальное средство.

Правда, для этого нужно попасть точно в глаз, но это уж – особое искусство.

А пицаль невероятно тяжелая – весит полпуда. Заряжать ее долго и сложно, нужно все время таскать при себе сухой порох, отдельно патроны, шомпол, тряпицу для обтирания просыпавшегося зелья...

Глядя на Степана, учился воинскому делу и Лаврентий. Вообще-то он сызмальства был не мастер что-то делать руками. Конечно, кто не работает, тот не ест, так что Лаврентий вместе со всеми ходил в море и делал все, что нужно, но получалось у него хуже, чем у других. Его сила была в ином: он красиво пел старинные песни и даже сам слагал их. Но главное Лаврентий унаследовал от своего деда – известного во всей округе и очень сильного кидойнекку – колдуна.

Карельские колдуны издавна считались на Руси более сильными, чем их русские собратья. Карельская ворожба и заговоры творили чудеса. Много говорить об этом было не принято. Человек, посвященный в тайны колдовства, помалкивал, и считалось дурным любопытством расспрашивать его. Степан на правах старшего друга несколько раз заводил разговор о чудесах, которым научил старый дед своего внука, но Лаврентий всегда смеялся в ответ либо отвечал уклончиво.

– Ты все равно не поймешь, – говорил он. – Да и неинтересно тебе про это слушать.

Единственное, что твердо знал Степан Кольцо о необыкновенных свойствах своего друга, было то, что Лаврентий – белый колдун. Карельские колдуны делились на черных и белых. Черные – те, кто призывал нечистую силу, кто пользовался услугами темных властителей зла. С такими колдунами предпочитали не водиться, хотя спрос на их чародейство был немал.

А белый колдун действовал при помощи сил света и добра. Если с таким колдуном заводили разговор о христианской религии, то он отвечал, что он – христианин, как все прочие люди. Просто ему лучше, чем другим, известны потаенные лазейки к Богу. Потому и чудеса свои и исцеления творит он именем Бога Всевышнего и сына Его Иисуса Христа...

В этом Степан имел случай убедиться сам. Когда сидели они с Лаврентием на пепелище родного городка и собирались в дальнюю дорогу в чужие края, Лаврентий решил поворожить на будущее – предсказать, что ждет их впереди.

Дождались вечера, когда стемнело, и тогда только Лаврентий запалил костерок в укромном месте возле леса, подальше от посторонних глаз. В заплечном мешке у него имелось все необходимое для общения с потусторонними силами. Установив над огнем металлическую треногу с овальной площадкой наверху, Лаврентий приготовил в горсти смесь трав, которые насыпал из нескольких мешочков.

Потом достал из поясного кармана маленький камешек светло-желтого цвета и положил его на раскалившуюся металлическую площадку.

– Сейчас начну, – сказал он наблюдавшему за его действиями Степану, – могу заснуть, ты мне не мешай. Но если буду спать долго, то обязательно разбуди. А то сам могу не проснуться.

На голову себе Лаврентий надел круглую шапку, связанную из шерстяных нитей различного цвета. От шапки вниз тянулись кожаные косички, сплетенные из ремешков, на концах которых звякали крошечные бубенчики из металла.

В этой своей шапке Лаврентий принялся ходить вокруг горящего костра с треножником и камнем на нем. Ходил сначала медленно, иногда наклоняя вбок голову, и тогда колокольцы на ремешках позвякивали. Бормотание его становилось то совсем тихим, то громким – Лаврентий почти кричал. Из этих бессвязных обрывков Степан понимал, что друг-колдун призывает духов леса и духов воды прийти на помощь ему в познании будущего.

Шаг Лаврентия становился все быстрее, он бегал и прыгал вокруг костра, а глаза его закатились, будто устремленные в черное ночное небо. Движения тела стали расслабленными и в то же время быстрыми, как у птицы, машущей крыльями.

Сидевший рядом Степан подумал, что Лаврентий уже как бы заснул – не видит ничего вокруг себя, не слышит и не реагирует на окружающее. Его друг погрузился в иной, внутренний мир, как бывает во сне.

– Не пора ли его разбудить? – подумал Степан. – Ведь он просил не особенно медлить с этим...

Но это был еще не сон. В какой-то момент колдун бросил в огонь зажатые в кулаке травы, от чего пламя вдруг загорелось ярче – взметнулись разноцветные языки кверху, послышалось шипение. Травы горели шумно, с потрескиванием, а самое главное – огонь был разного цвета, он переливался всеми цветами радуги.

Резко остановившийся Лаврентий склонился к огню и замер, всматриваясь в огненные всполохи. Иногда он потряхивал головой, чтобы вызвать звяканье бубенцов на шапке. Лицо его было напряженным, а на лоб из-под шапки катились крупные капли пота...

– Возьми, – вдруг хрипло сказал он Степану, – возьми в руки!

Он явно указывал глазами на светло-желтый камешек, лежавший на раскаленной добела металлической сковородке. Как же взять его в руки? Камешек хоть и небольшой, но обожжет все руки, да и не удержать будет от боли...

– Бери! – настойчиво и нетерпеливо велел Лаврентий. Сейчас он был старшим, и его приказаний следовало слушаться.

Степан привстал и, наклонившись над огнем, схватил камешек. Он уже приготовился к жгучей боли, но тут произошло чудо – камень был совершенно холодным. Даже ледяным, если быть точным.

Сначала Степан не поверил такому. Подумал, что просто сразу не ощущает боли от ожога. Так бывает, когда боль внезапна и очень сильна.

Но нет, камень и впрямь не нагрелся на раскаленной сковородке. Небывалое дело!

Но стоило Степану подумать об этом, как внезапно он почувствовал дурноту. Наклонившись над огнем, он вдохнул дым от сгоравших волшебных трав, брошенных туда Лаврентием. Вот тебе раз, а ведь Степан никогда и не предполагал, что его младший друг – действительно настоящий колдун...

Впрочем, додумать эту мысль до конца Степан не успел, потому что потерял сознание.

Это было странное забытье. Сон и бодрствование одновременно. Степану снился сон, но он понимал, что видения эти – результат травного дурмана, и что сам он лежит на земле возле горящего костерка на окраине леса.

Снилось море, и в этом не было бы ничего необычного. Отчего же помору не видеть во сне море? Но оно выглядело совсем не так, как море, по которому ходил на своем коче Степан. Оно было иного цвета: насыщенно-синего, и вода искрилась на ярком солнце. На море был корабль, и Степан стоял на его палубе. Однако корабль был не кочем – а куда больше размерами, да и устроен несколько иначе. Никогда прежде Степану не приходилось видеть таких судов. Конечно, он слышал о том, что далеко-далеко в южных морях ходят большие корабли, непохожие на поморские кочи. Может быть, это один из таких диковинных кораблей?

И снился остров – небольшой, покрытый камнями и иссушенной на солнце травой. Девушка в белых одеждах сидела на камне под раскидистым деревом, опустившим свои ветви книзу. Кругом была тишина, и царил покой, настолько полный и невероятный, что душа Степана пришла в умиротворение. Этот остров был обещанием счастья – несбыточного, но абсолютного...

Когда он очнулся и поднялся с земли, спрашивая себя, что за видение пришло ему на ум, Лаврентий лежал рядом. Колдун открыл глаза одновременно со Степаном и тоже сел. Лицо его было тревожным и сосредоточенным.

– Ты видел будущее? – спросил он. – Тебе открылось, что ждет нас впереди?

– Видел, – кивнул Степан. – Это было так странно. Не знал, что ты владеешь колдовским искусством. Я действительно видел будущее.

– Ужасно, правда? – покачал головой Лаврентий. – Ты уверен, что нам следует так рисковать?

Он выглядел страшно огорченным и подавленным.

– Может быть, лучше остаться здесь, в родных местах? – добавил он. – Пусть у нас ничего не осталось, хоть не случится того, что я видел.

Они видели разные сны. Если Степану явился красивый корабль на море, а затем девушка необычайной красоты на острове под раскидистым деревом, то Лаврентия посетило совсем иное видение.

– Я сидел в каком-то темном и грязном закутке, а на шее у меня было железное кольцо с цепью, – сказал Лаврентий. – Наверное, это была тюрьма. А потом я оказался в подземелье, где горели факелы и вокруг были демоны.

– Демоны? – переспросил Степан.

– Ну да, демоны. Много фигур, и все в черных балахонах и с капюшонами. Сначала я решил, что это монахи-чернецы, но у монахов совсем не такие балахоны, и капюшонов они не носят. Нет, это было царство демонов...

Когда потрясенный Степан рассказал о своем видении, Лаврентий совсем опечалился.

– Это значит, что у нас с тобой разное будущее, – сказал он.

– Тебе – корабль и остров с девушкой, а мне – цепь на шею и царство демонов. Нет уж, наверное, мне лучше остаться здесь. Наймусь к кому-нибудь работником и проживу.

– А ты держись поближе ко мне, – заявил Степан. – Давай не допустим, чтоб нас разлучили, и тогда мое будущее станет нашим общим. Ты же ничего не имеешь против кораблей, островов и красивых девушек? Может быть, под тем деревом на острове сидят две девушки? Просто я увидел одну, а другая куда-то отошла?

– Если будем все время держаться вместе, – усмехнулся Лаврентий, – то неизвестно, что будет. Мое будущее может стать твоим, и мы вместе окажемся в цепях в царстве демонов.

Тем не менее спустя день друзья двинулись в путь. Остаться на выжженном месте, где ни кола ни двора, смысла не имело. Да и пропал бы Лаврентий в одиночку без своего старшего друга – в этом Степан был совершенно убежден...

* * *

– Хотели в Нарву попасть, – испуганно и злобно сказал один из шагавших рядом стрельцов.

– Вот теперь и попадем. Да только не победителями, как собирались, а пленниками.

Но вышло по-иному. Сопровождаемые солдатами, пленники прошли под высокими стенами Нарвской крепости, между бастионами и берегом реки. Нарва осталась позади, а пленников гнали все дальше и дальше.

Их даже не связали, только обезоружили. Но что могли сделать десять измученных безоружных людей, из которых трое были ранены, против десятка шведских кавалеристов, окруживших их со всех сторон.

Несколько раз Степан с Лаврентием глядели на реку, вдоль которой их гнали. Оказавшись в воде, они могли бы рассчитывать на спасение. Но пока еще добежишь до волн Наровы...

Сотника Василия пришлось тащить на себе, попарно, сменяясь на ходу. Ясно было, что рана у него не слишком серьезная, но голова у парня кружилась от потери крови и идти самостоятельно он не мог.

Только двое стрельцов отказались тащить своего бывшего командира: Ипат из Москвы и Агафон из-под Рязани взглянули сурово и равнодушно на Василия и заявили, что теперь все попали в плен, и у них новые хозяева – шведы. А сотник им больше не голова, так что пусть позаботится о себе сам.

– Всю жизнь сладко ел и мягко спал, – сквозь зубы буркнул Ипат, не оборачиваясь. – А с нас три шкуры драл, боярское отродье...

Степан хотел было возразить, что юный сотник никогда не свирепствовал со стрельцами, а даже наоборот – был дружелюбен и не заносчив, однако решил не связываться. Ипат с Агафоном были настроены решительно и враждебно.

– Тут теперь каждый за себя, – добавил Агафон, сплевывая перед собой. – Нечего за боярским щенком ухаживать – не его сила теперь.

Ну, не драться же было теперь с этими двумя самыми здоровенными из пленников, крижистыми мужиками. Хорошо хоть остальные стрельцы согласились помочь и дотащить Василия до стоянки, где можно было передохнуть.

По дороге Степан оглядел своих невольных спутников. Все они были напуганы и растеряны. Еще утром они были солдатами регулярной армии, а теперь превратились в бесправных пленников, не знающих, что ожидает их.

Двигались быстро – шведы все время подгоняли стрельцов. Понукали, толкали боками коней, наезжали сзади на отстающих.

Шагавший рядом Лаврентий молчал, словно погрузившись в себя.

– Колдует? – спросил себя неуверенно Степан. Да нет, вряд ли. Для колдовства нужен волшебный камень, да пахучие травы, и шапка с бубенчиками, и специальный пояс. Все это хранится у Лаврентия в сумке, но пока использовано быть не может. А камень висит на шее в специально сшитом мешочке.

Да и о чем колдовать? Пока что они не принадлежат себе – их гонят, как стадо, в неизвестном направлении.

Впрочем, к середине дня направление стало понятным – они шли вдоль берега Наровы, в сторону ее устья. Туда, где река впадает в море. Город и крепость Нарва остались далеко позади, а шведский командир, ехавший впереди, все подгонял, оборачиваясь и выкрикивая что-то на своем языке.

Как же горько оказаться в плену!

– Вот тебе и отомстил шведам, – мрачно сказал себе Степан. – Вот и поквитался с ними! Что теперь будет? Уж не сбывается ли вещей сон Лаврентия, в котором он видел себя с железным ошейником?

Когда впереди показалась морская гладь и широкое устье реки, пленникам приказали остановиться. К этому времени даже те стрельцы, которые не были ранены, валились с ног от усталости...

Всех усадили на землю, а солдаты спешили и встали вокруг. Шведский командир вытащил из сумки подозрную трубу и, широко расставив ноги, стал с пригорка глядеть в море.

Нарвский залив выглядел оживленным: виднелись паруса нескольких кораблей, бросивших якоря возле устья. Степан с Лаврентием вглядывались в них, удивляясь размерам и формам этих невиданных ими ранее судов. Привычные им поморские кочи были гораздо меньше и выглядели по-иному. Коч – корабль широкий и короткий. Из-за двойной толстой обшивки его борта выглядят пузатыми. Иначе и быть не может – двойные борта нужны для того, чтобы льды северного моря не раздавили корпус. И команда на коче редко превышала десять-двенадцать человек.

А корабли, которые поморы увидели теперь, оказались большими, раза в три-четыре крупнее самого большого коча. Они выглядели гораздо стройнее и выше, а мачт с парусами было по три штуки на каждом. Сколько же людей помещается в таком корабле? Неужели больше сотни?

Как ни странно, вид моря подействовал на Степана успокаивающе. Пусть не свое – северное, чаще всего покрытое льдом, а здешнее, но все же – море. Дух помора ободрялся при виде знакомого с детства пейзажа – бескрайняя водная гладь, а на ней – паруса кораблей!

Другие пленники смотрели на море боязливо и враждебно. Они были из Москвы или из Рязани, из Коломны и Владимира – из старинных русских земель. Они видели и знали леса, степи, а море было для них чуждой стихией...

Правда, рассматривать корабли было некогда: нужно было отдохнуть самим и перевязать заново раненого Василия. Сотник лежал на траве, запрокинув голову, и стонал, держась за пропоротую щеку.

Степан достал из сумки свою старую рубаху из небеленого полотна и разорвал ее на несколько длинных лоскутов. Ими он и перемотал заново лицо сотника. Кровь уже не текла, а запеклась вокруг раны. Хорошо бы промыть, чтоб не загноилась, но попросить воды у шведов помор не решился – больно уж те выглядели суровыми и отчужденными. Они вообще были злы на стрельцов: утренняя битва у реки получилась кровавой, шведы потеряли три десятка человек только убитыми. Никто не ожидал, что стрелецкий заслон окажет такое яростное сопротивление превосходящим силам шведского войска.

А сразу после боя плененных врагов никто не жалеет: еще слишком памятны понесенные жертвы...

– Вернемся в Москву – на службу к себе возьму, – осипшим голосом сказал сотник Василий, когда Степан с Лаврентием вдвоем перевязали ему раненую щеку. – Отцу непременно расскажу, что вы за люди оказались, а он у меня добрый: наградит вас, как положено.

В то, что боярин Прончищев такой уж добрый, поморы не слишком поверили – про отца сотника ходили в стрелецком войске разные слухи. Говорили, будто в большой чести у царя Ивана, и что крутого нрава, и на руку тяжел – любит кулачную расправу с виновными и невинными. Словом – настоящий боярин.

Степан только усмехнулся, услышав слова Василия, и ответил:

– Добр или не добр твой отец – это мы не скоро выясним. И награда – дело хорошее, но придется ее подождать, потому что попали мы в плен, кажется, всерьез.

Шведский командир долго высматривал что-то в подозрную трубу, и спустя некоторое время стало понятно – что. От одного из кораблей, стоявшего ближе других к берегу, отвалила

лодка. Весла гребцов взлетали и опускались резво, так что очень скоро нос ткнулся в песчаный берег. Низкорослый и коренастый человек в морской кожаной куртке и в кожаных штанах выскочил из лодки и зашагал к поджидавшему его кавалерийскому командиру.

Когда он приблизился, стало видно, что на голове у него повязан черный шелковый платок, а в каждое ухо вставлена тяжелая серьга. Серьги были золотые, они оттягивали мочки ушей вниз так сильно, что уши слегка оттопыривались. Человек обвел мутными голубыми глазами сидящих на земле пленников, и в лице его что-то мелькнуло – интерес, или алчность, или удовлетворение...

Между незнакомцем с корабля и командиром завязалась беседа, при которой они постоянно оглядывались на стрельцов и что-то доказывали друг другу. Ясно было, что разговор идет как раз о пленниках, но понять, о чем говорят, было невозможно – никто не понимал по-шведски.

Правда, кое-какие догадки приходили в голову. Степан наблюдал за мимикой и жестами разговаривающих, и вдруг что-то очень знакомое всплыло в памяти. Ну конечно же именно так торгуются купцы с рыбаками. Рыбаки ходили далеко в море, и вернулись оттуда с богатым уловом. А на берегу уже поджидают купцы со своими ценами. И каждая цена ровно втрое меньше той, на которую рыбаки рассчитывали. Вот тут и начинается спор, да не простой, как муж спорит с женой или товарищ с товарищем, а кровавый, до драки и порой до смертных обид. Потому что спор идет о деньгах за товар, а это – не шутки.

– Продадут нас, – мрачно заметил Агафон, тоже не отрывавший пристального взгляда от беседующих. – Как пить дать – продадут. У нас в Рязани на рынке торговцы вот точно так же орут и себя по карманам хлопают.

– Самый торг идет, – покачал головой еще один стрелец – Демид из Великого Новгорода.

– Сейчас сговорятся о цене, и прощай для нас родные края на веки вечные. Будем до самой смерти на чужбине спину гнуть да маяться.

– А тебе не все равно, где спину гнуть? – ощерился Ипат и засмеялся недобро. – Дома на боярина да на царя спину гнул. А теперь будешь на шведского царя да шведского боярина гнуть. Какая разница? Везде одно и то же.

– Это тебе, может быть, все равно, – протянул Демид, – а у меня дома жена с двумя дочками осталась, и родители еще живы, только старые. Я заработать хотел, потому и в стрельцы на войну записался, а теперь что же будет?

– Тебе же лучше, – засмеялось сразу несколько пленников, слышавших разговор. – По дурости ты на войну пошел: тут не заработаешь. Сам уж, наверное, убедился. На войне только командиры зарабатывают, а наш брат, кроме ран и увечий, других заработков не имеет. А теперь тебе ни о чем думать не надо, и заботиться о жене и дочках не надо – знай себе, иди в плен да помирай на чужбине. Милое дело!

Торг закончился. Все видели, как тяжелый кожаный кошель с монетами перешел из-за пазухи моряка в дорожную сумку кавалериста, и тотчас же пленникам велели встать и идти к лодке. Стрельцы были понуры и напуганы неизвестностью. Когда сильно нагруженная лодка закачалась на мелкой и злой вечерней волне, все принялись торопливо креститься. Лаврентий тревожно ощупывал рукой под кафтаном мешочек с волшебным камнем. И только Степан вдруг отчего-то ощутил прилив спокойствия и уверенности и, сам удивившись этому, спросил себя о причинах такой странной реакции.

Но нет, он не радовался тому, что попал в плен. Не радовался тому, что был только что продан неизвестно кому. Не в этом дело: его глаза видели море, и под ним качалась лодка, а все вместе это давало ему – моряку – силу и надежду.

Глава II

Капитан Хаген

Степан впервые увидел вблизи такое большое судно. До этого во время боевых действий под Нарвой ему приходилось с берега глядеть на заморские корабли, а теперь этакая громада оказалась прямо перед глазами.

Перегруженная пленниками лодка с четырьмя матросами, сидевшими на веслах, преодолевая приливную волну, подошла к борту корабля. Степан смотрел во все глаза, стараясь понять и запомнить увиденное.

Он успел отметить, что борта корабля хорошо просмолены и что обшивка корпуса в приличном состоянии. Еще увидел необычную конструкцию парусов. Мачт здесь было две, и это не удивляло – на многих поморских кочах тоже имелось две мачты. Но паруса у поморов прямые, без всяких затей, а на этом корабле они располагались иначе и совсем по-иному крепились.

Сейчас паруса были собраны и подвязаны на реях, но непривычная их форма была очевидна бывалому моряку. Ближе к носу корабля на черном смоляном борту белыми буквами было выведено название: «STEN».

Последнее, что заметил Степан, были жерла медных пушек, торчащие над бортом корабля. Четыре штуки – совсем немало, хватит для настоящего боя. А ведь на противоположном борту, наверное, тоже четыре пушки. Да это же целая плавучая крепость!

С борта спустили веревочную лестницу, и пленники друг за другом полезли наверх.

Внутри корабль выглядел куда хуже, чем снаружи. Едва оглядевшись, Степан увидел грязную, истоптанную палубу с валяющимися кусками ветоши, обрезками веревки и другим мусором.

– Э, – мелькнула презрительная мысль, – на наших кочах такого не бывает. Палубу скребут каждый день до блеска. А тут такой красавец корабль, а моряки на нем как свиньи...

Эта мысль как-то укрепила Степана. Те, кому их продали, не были сверхчеловеками. Они оказались неряхами, которые не умеют следить за собственным судном. А разве можно уважать таких людей?

Пленников усадили на палубу, а команда корабля столпилась вокруг. Стрельцы и их новые хозяева получили возможность разглядеть друг друга...

Моряки были одеты по-разному и очень пестро. Головы у многих были повязаны платками, другие были в шляпах с загнутыми полями, а третьи обходились вовсе без головных уборов. Одежда в основном была кожаная, как у самого капитана.

Только сейчас стало понятно, что коренастый человек с мутными глазами и серьгами в ушах – капитан этого корабля. Члены команды громко обращались к нему, называя капитаном Хагеном.

От столпившихся моряков шел тяжелый запах. Этот запах невымытых тел, чумазные лица говорили о том, что чистота здесь совсем не в почете.

– Они что – не ходят в баню? – послышался негромкий голос стрельца Демида. – Вонича-то от них какая.

– На море живут, а не моются, – поддержал Агафон. – Мне раньше сказывали – у них и бань-то нету. Я тогда не поверил, а теперь сам вижу.

– Чистые татары, – заявил Ипат. – Те тоже мыться не любят. Говорят, что кто смывает с себя грязь, тот смывает с себя счастье. Выходит, мы к татарам попали.

Появился человек в фартуке и с инструментами. Каждый шаг его сопровождал звон металла, доносившийся из мешка, который он тащил за собой по палубе.

Когда мастеровой вытащил из мешка железный ошейник и принялся прилаживать его на шею первому пленнику, Степан чуть не застонал от ярости и отчаяния. Он видел рядом округлившиеся глаза Лаврентия и знал, о чем сейчас думает его друг. Лаврентий ведь предупреждал, что если они будут держаться вместе, то их постигнет общая судьба. И эта судьба оказалась, как друзья и опасались, судьбой не Степана, а Лаврентия.

– Ошейник и цепи! – простонал Степан. – Именно то, что привиделось тебе.

– Да, – отозвался Лаврентий, – это мое видение сбылось. Потому что никакого острова и красавицы на нем я не вижу. С твоим видением придется подождать.

Капитан Хаген отдал приказ, большая часть матросов бросилась по своим местам – корабль снимался с якорей и готовился к отплытию. Видимо, капитан хотел воспользоваться усилившимся ветром...

Матросы полезли на мачты, чтобы распустить подвязанные паруса. Одни карабкались по реям, а другие прилаживали веревками концы парусов к специальным крюкам на палубе и на боргах.

Когда Степан ощутил железо ошейника, ему захотелось вскочить и сопротивляться. Вся сущность его бунтовала против рабской цепи.

Пусть Лаврентию и привиделась такая судьба, но он, Степан, потому и не испугался быть вместе с другом, что никогда не мог представить себя в таком положении. Ему казалось, что если Лаврентий останется с ним рядом, то судьба будет только та, которую увидел во время колдовства Степан – остров и красавица. Потому что с кем угодно, но только не с ним могла случиться вот эта история – ошейник и цепи.

Цепь крепилась к ошейнику, и верхнее кольцо звякало о железо, натирало шею. Когда закован таким образом оказался последний из пленников, всех по очереди спустили вниз – под палубу.

Здесь, в тесном кубрике, обшитом толстыми нестругаными досками, разместилось пятнадцать человек. Кроме десятерых стрельцов там уже были другие пленники, с которыми вновь прибывшим предстояло познакомиться.

В стены кубрика были врезаны массивные железные кольца, к которым корабельный мастер и приклепал конец цепи каждого из рабов. Длина цепи позволяла сделать два шага от стенки, но и в этом не было необходимости – вся каморка была очень тесна. Набитая до отказа людьми, она больше походила на душегубку, в которой нечем дышать и невозможно повернуться.

Окна здесь не было вовсе, и воздух затекал только через дверь, которая вела в узкий корабельный коридорчик. А учитывая, что внутри корабля вонища стояла еще хуже, чем на палубе, пленники сначала подумали, что им предстоит задохнуться насмерть. В трюме отвратительно пахло кислым порохом, человеческими испражнениями и гнилыми продуктами.

Потянув носом, Степан опять подумал о том, что его отец – кормщик поморского коча, а потом и он сам просто убили бы членов команды, доведших судно до такого состояния.

С пленниками, уже сидевшими в трюме, общий язык нашли довольно быстро. Все пятеро оказались рыбаками-эстами, которых обманом заманили на борт корабля.

– Капитан Хаген пристал к берегу возле нашей деревни, – пояснил старший из рыбаков по имени Каск, – он объявил, что хочет купить рыбы и что хорошо заплатит. Мы привезли рыбу прямо к кораблю, и с тех пор мы сидим здесь. Оказалось, что капитану нужна совсем не рыба – он торгует другим товаром.

– Каким? – спросил Степан, уже начиная догадываться...

– Людми, – ответил Каск, растерянно шмыгнув носом. – Нас захватили на прошлой неделе, и с тех пор мы многое узнали об этом капитане. Вот уж никто из нас не думал, что окажемся рабами.

– Что он говорит? – тревожно поинтересовался у Степана сотник Василий, уже успевший слегка прийти в себя после ранения. Щека перестала кровоточить, хотя сильно болела, но все же сотник оживился:

– Ты понимаешь, что он говорит?

Степан с Лаврентием хорошо понимали эста – его язык оказался очень схож с карельским, только слова он выговаривал по-другому.

– Что с нами теперь будет? – продолжал Василий, держась за щеку, обмотанную тряпкой, пропитавшейся его кровью: – Мы пленники шведского короля? Нас могут обменять после войны, ведь так? У нашего войска ведь тоже много шведских пленников...

– Боюсь, что на это надеяться не стоит, – сказал Степан. – Кажется, мы стали вообще не пленниками, а рабами. И не у шведского короля, а у этого самого капитана Хагена.

Теперь самые ужасные подозрения оправдались. С ними случилось то, чего боятся все солдаты сражающихся армий. Попасть в плен и стать официальным пленником – это далеко не самое страшное. Пленников могут обменять в конце войны, так что кое-кто из тех, что потрусливее, даже стремятся угодить в плен. Хоть и голодно будет, и холодно, и позорно, но зато тебя не убьют, и ты спокойно досидишь до конца войны, а потом вернешься домой.

Но судьба распорядилась иначе. Видимо, командиру шведского отряда не хватало денег, вот он и решил не сдать русских пленных своему начальству, а утаить их и продать. Судя по всему, с капитаном Хагеном у командира имелась предварительная договоренность – Степан помнил, как решительно и быстро шведы погнали их подальше от Нарвы в сторону речного устья...

Что ж, командир здорово нажился, продав пленников. Правда, ему пришлось, наверное, поделиться со своими солдатами добычей. Но все равно, свой куш он отхватил.

– Спроси у него, – кивнул в сторону эста Агафон, – они тут уже люди бывалые. Скоро ль пожрать дадут? А то с утра не евши, можно и ноги протянуть.

– И так протянешь, – злобно бросил Ипат. – В тесноте, да в обиде, да с этой железякой на шее долго не проживешь. Тут дышать нечем, ноги некуда протянуть, а ты – еда, еда...

Степан вдруг заметил, что его друг совсем не принимает участия в разговоре. Лаврентий сидел рядом, привалясь к стене, и глаза его были полузакрыты. Похоже было на то, что колдун впал в забытье.

– С тобой все в порядке? – спросил Степан, легонько ткнув товарища локтем. – Не заболел? Смотри, а то здесь лечить нечем.

Лаврентий открыл глаза, и в них явственно читались испуг и растерянность.

– Камень, – сказал он, – я его все время ощущаю.

Только тут Степан заметил, что Лаврентий сидит с рукой, засунутой за пазуху. Он держал в ладони мешочек с волшебным камнем.

– Камень стал теплым, – пояснил он другу. – Ты же знаешь, камень всегда холодный, даже ледяной.

Да, это Степан помнил хорошо. Даже после лежания на раскаленной сковородке волшебный камень Лаврентия оставался как лед.

Что это могло означать? Отчего волшебный камень вдруг нагрелся?

– Когда это началось? – спросил Степан друга. – Когда ты заметил?

– Как только поднялись на борт, – ответил тот. – Сначала я думал, что мне кажется, но теперь...

Лаврентий уже давно рассказал Степану о том, что камень этот передал ему дедушка, сопроводив напутствием. Называется он Бел-Горюч камень Алатырь. Белый – это цвет камня. Горючий – оттого, что в миг совершения колдовства вдруг вспыхивает неугасимым пламенем, сам оставаясь при этом ледяным.

– Дедушка говорил, что по преданию в море-океане есть остров, – объяснял Лаврентий, – а на том острове растет огромное дерево от самого начала времен. А под тем деревом лежит в земле этот самый камень Алатырь. На камне сидит красная девица – сторожит камень, чтоб никто не подошел. Но если превозмочь девицу, то камень тот исполнит три желания – любые, какие только захочешь.

А этот камешек, который у меня, – только маленький осколочек с того камня. Тот, настоящий, большой Алатырь исполняет любое желание, а этот его осколок – только маленькие.

– Так, значит, – спросил Степан, – есть и другие осколки камня? Не у тебя же одного. Если у тебя есть осколочек, то может быть, и у других людей тоже могут быть?

– Конечно, могут, – сказал Лаврентий, – только я никогда таких людей не встречал. В наших краях точно такого камня больше ни у кого нет.

Вот бы найти тот большой, настоящий Алатырь! Три желания, да еще любых – это много. Так много, что может хватить на всю жизнь.

Какой человек с детства не мечтал, чтобы его желания исполнились? Кто не загадывал для себя эти три самых-самых заветных желания? Правда, с возрастом сами желания изменяются. В детстве ты лежишь ночью у печки, слушаешь, как потрескивают прогоревшие поленья, и глядишь на то, как вспыхивают огоньки, рассыпая искры, и мечтаешь о своих трех желаниях. Желания эти: чтоб отец взял с собой на коче в поход на Грумант; чтоб поймать самую большую рыбину в море и чтоб не нужно вдруг стало по утрам ходить к дьячку учиться грамоте...

В шестнадцать лет твои три заветных желания уже другие – из них пропадают дьячок и морская рыбина, а вместо них появляется красивый взрослый кафтан со смушковой шапкой и красавица Алена из соседней деревни. Она уже девица на выданье, а тебе свататься еще рано. Так что остается одна надежда – на чудесное исполнение желаний.

А когда тебе двадцать пять, как Степану, о заветных желаниях больше не думаешь, потому что не веришь в то, что они могут осуществиться.

Даже после того, как Лаврентий показал свое колдовское мастерство, и Степан сам видел чудесное пламя, и трогал ледяной камень с раскаленной сковородки, и сам впал в забытие с видением – он все равно так до конца и не верил в реальность колдовства. Хоть все в округе и говорили, будто дедушка Лаврентия сильный колдун и что внуку передал свой чудесный дар – да ведь мало ли что люди наболтают...

Правда, ощутив на собственной шее железный ошейник с цепью и оглядевшись в тесной каморке для рабов, Степан признал со всей неопровержимостью, что предсказание Лаврентия насчет своей судьбы сбылось. Причем сбылось для них обоих, как это ни печально...

– Найти настоящий большой Алатырь, – говорил Лаврентий, – это все равно что найти иголку в стоге сена. Все бы нашли, если бы могли. Но три трудности не дают. Во-первых, чтобы найти Алатырь, нужно иметь его осколочек, хоть самый маленький.

– Но ты ведь как раз имеешь, – заметил тогда Степан другу. – Видишь, одной трудности уже нет.

– Да, но остаются еще две. Откуда я знаю, где этот остров? Море-океан большое! Знаешь, сколько на свете островов? К какому плыть?

Да, про эту трудность Степан знал хорошо. После постижения грамоты и счета под руководством дьячка в родной Кеми отец на год послал его в Холмогоры в монастырскую школу. Дела шли хорошо, и отец мог заплатить немалую цену за обучение сына, которому со временем предстояло занять его место хозяина. Вести промысел, ходить по морю и торговать может только образованный человек...

Среди многих наук, которым обучали в монастырской школе, была и география, то есть описание заморских земель. Показывали ученикам многие удивительные вещи, вроде морских карт и «книги атлас земной».

Сами поморы картами не пользовались: знания о морских путях, об отмелях и навигации в зимнее время просто переходили от отца к сыну непосредственно, на практике. Но любопытно было взглянуть на заморские карты, которые показывал учитель – иеромонах Алипий.

– На этих картах, – говорил он, – вся земля наша показана, до самого края моря-океана. А море-океан – не одно, а разделяется на множество, как видите. И земель тут в морях и вокруг – видимо-невидимо.

Имелся в школе и глобус – громадный, крутящийся, установленный на тяжелой железной подставке. Отец Алипий медленно вращал глобус и заскорузлым старческим пальцем указывал на разные страны.

– Вот Англия, а вот – Гишпания, а чуть ниже, в форме сапога – итальянские земли...

– А вот еще, – говорил иеромонах, – страна Новый Свет, за океаном. Огромная земля, населенная дикими людьми или полужверями, она совсем недавно открыта гишпанскими моряками.

Так что после тех уроков Степан очень даже хорошо знал, насколько Лаврентий прав в своих опасениях: тяжело будет найти остров с Алатырем. Островов тех в морях – как песка морского.

– А третья трудность – в том, что когда твой камешек-осколочек приближается к настоящему цельному Алатырю, то с каждым шагом становится все горячее. Так раскалится, что не сможешь в руке удержать, – говорил Лаврентий, пересказывая слова дедушки. – А как выробишь из рук, то и дальше к Алатырю не приблизишься. Он тебя не подпустит.

Вспомнив сейчас тот давний разговор, Степан задумался.

– Слушай, – обратился он к Лаврентию. – Вот ты говоришь, что камень твой нагрелся. А не значит ли это, что поблизости тот самый Бел-Горюч камень Алатырь?

Лаврентий улыбнулся в ответ.

– Но ведь мы не на острове, – заметил он, – и деревья с красной девицей что-то не видно. Нет, тут дело другое...

А какое именно другое дело, им обоим было уже ясно.

Если камень стал нагреваться, то это значит, что где-то поблизости есть еще один осколочек. Осколочки чувствуют друг дружку и нагреваются, стремясь снова слиться в одно целое, каким были когда-то. Ведь обоих когда-то отломали от волшебного Алатыря.

– У кого-то на корабле есть такой же камень, – шепотом произнес Лаврентий, и Степан кивнул. Ну да, только знать бы, у кого...

У капитана? У кого-то из команды корабля? У одного из пленников-эстов?

Второй камень ведь наверняка тоже нагревается, и владелец ощутил это.

Вдруг Степан вспомнил нечто и так резко повернулся к другу, что ошейник сдавил шею.

– Ты видел, как называется корабль? – спросил он возбужденно.

– Ну да, – ответил Лаврентий, – посмотрел. Называется Sten. Я видел...

Тут же он умолк, пораженный догадкой. Его глаза округлились.

Ну да, ведь Sten – это камень, всякий помор знает. Каждый, кто торгует с норвежцами, немножко знает их язык. По-норвежски это слово – «камень», и по-шведски, наверное – тоже.

– Ты думаешь, что корабль назван так в честь этого камня Алатырь? – спросил Лаврентий и потряс головой. – Не может быть, тут же нет колдунов.

– Думаешь, ты один колдун на всем белом свете? – засмеялся Степан. – Видимо, ты ошибался. И среди шведов тоже попадаются колдуны. Один из них владеет таким же кусочком камня, как ты. Это следует иметь в виду.

* * *

Судя по начавшейся качке, корабль вышел в открытое море. Он переваливался с боку на бок, и в трюме было слышно, как скрипят канаты, крепящие раздуваемые ветром паруса.

В каморке не было никакого освещения. Свет проникал лишь сквозь небольшое оконце, вырезанное в двери. Если встать и прижаться к двери, то можно высунуть голову в коридорчик. Но делать это нужно с осторожностью: по узкому коридорчику туда и сюда ходили шведские моряки, и они очень злились, если замечали такой беспорядок. Того и гляди, получишь по уху кулаком...

Да уже к вечеру никто из пленников и не пытался высовываться – все смертельно устали и заснули тяжелым сном. Никому из команды не было больше до них дела, так что и еды не принесли – напрасные надежды.

Наутро явились двое моряков и, подняв пинками ближайших узников, заставили их вытащить на палубу бочонок для нечистот. Бочонок этот стоял прямо посреди кубрика, издавая постоянное зловоние.

Вернувшиеся уже с пустым бочонком стрельцы рассказали, что успели увидеть на палубе: корабль идет в открытом море, свищет ветер и берегов не видно. Говорили они это с испугом, как люди, никогда прежде не бывавшие в открытом море...

А почти сразу за этим в дверном отверстии вдруг появилась женская головка. Девушка была повязана платком по самые глаза, но сразу видно было – она очень молода и красива. С состраданием поглядев на узников, она заговорила с рыбаками-эстами, как со старыми знакомыми. Спросила, есть ли у новых пленников с собой ложки, чтобы есть похлебку.

– Есть у нас ложки, – отозвался Степан, понявший ее речь. – А ты-то сама кто будешь?

Девушка промолчала и убрала голову из оконца. Вместо ее головки появилась большая миска, наполненная овсяной похлебкой с плавающими в ней кусочками свиного сала. На пятнадцать человек порция невелика...

– А хлеб? – поинтересовался Лаврентий. – Хлеб-то будет?

– Хлеба не будет, – отозвался девичий голос из коридора. – Хлеб тут не пекут, а сухари капитан Хаген выдает только команде.

Голова снова просунулась в окошко. На этот раз платок чуть сдвинулся вверх, и стало видно, что девушка блондинка – светлые золотистые волосы выбились наружу. Она с интересом еще раз поглядела на новых пленников, но на нее уже никто не смотрел – все, как один, разом набросились на долгожданную еду. Запах от похлебки был не самым приятным, но после столь долгого голода вкус интересовал людей в последнюю очередь.

Стрельцы вытащили из-за голенищ своих сапог деревянные ложки и стучали ими, торопливо вычерпывая побольше. Эсты с раздражением глядели на русские ложки – огромные, с кулак величиной, которыми стрельцы запросто съедали все, не оставляя ни капли старожилкам кубрика. У эстонских рыбаков ложки были куда меньшего размера...

Степан и девушка смотрели друг на друга. Он отметил, что на вид ей вряд ли больше двадцати и что она чем-то угнетена и подавлена, хотя по натуре обладает веселым нравом...

– Как тебя зовут? – повторил он свою попытку познакомиться.

– Ингрид, – на этот раз ответила она. – А тебя?

– Ты повариха на корабле? – поинтересовался Степан. – На наши корабли женщин не пускают. Считается, плохая примета.

– Я не повариха, – сверкнула глазами в ответ Ингрид. – Как ты мог такое подумать? Я даже не умею готовить! Разве я похожа на повариху?

– Не знаю, – покачал головой Степан. – У меня было мало знакомых поварих. Но если ты действительно не умеешь готовить, то, конечно, ты не из их числа. А кто же ты тогда? Разбойница, как все остальные здесь?

Ему внезапно стало весело. Бывалый моряк, он, оказавшись даже на чужом корабле, испытал подъем духа. А тут еще и девушка симпатичная. Даже смешно – и она разбойница!

– Ты прав, – вдруг сказала девушка, – это разбойничий корабль. И капитан Хаген – самый главный разбойник на этом корабле, и не только. Но я не разбойница. Я такая же пленница, как вы все. Просто меня не держат на цепи, потому что я не могу убежать.

– Мы тоже не можем, – вздохнул Степан. – А ты давно здесь?

– Давно, – сказала Ингрид. – Уже второй рейс я здесь. Капитан Хаген торгует людьми. Он покупает невольников, а затем везет их в условленное место и там перепродает, но уже гораздо дороже, чем купил. Этим он и занимается.

В этот момент пленники доели похлебку до самого конца, пока ложки не заскребли по деревянному днищу. Теперь все они смотрели на Степана, беседующего с девушкой, которая вдруг рассмеялась.

– Ну вот, – сказала она виновато, – твое любопытство погубило тебя. Пока ты болтал тут со мной, твои товарищи все съели. Теперь ты останешься голодным, и Бог знает, на какое время...

Да, это было действительно огорчительно. Но едва Степан открыл рот, чтобы галантно ответить, что разговор с такой прелестной девушкой стоит пары ложек местной баланды, как вмешался Лаврентий. Выяснилось, что он не только ел вместе со всеми, но и внимательно слушал разговор.

– Слушай, Ингрид, – сказал он, тщательно облизывая ложку, – а откуда ты так хорошо говоришь по-нашему? Ты ведь из Шведского королевства, да?

– Да, – гордо ответила девушка. – Я Ингрид Нордстрем. Дочь капитана Нордстрема. А говорю я по-вашему, потому что моя мама родом из Або. Там все так говорят.

– Если ты дочь капитана, – вьедливо заметил Лаврентий, пристально разглядывая девушку, – то, что делаешь здесь – на корабле совсем другого капитана? Он твой муж – этот Хаген?

Девушка даже вздрогнула при этом бесцеремонном вопросе, и глаза ее потемнели.

– Никогда, – ответила она гордо, – никогда Хаген не станет моим мужем. Моим убийцей – да, моим тюремщиком – да. Пусть даже моим насильником, если решится умереть. Но только не мужем.

Видно было, что Ингрид настроена решительно. Этим она сразу напомнила Степану поморских девушек – таких же гордых и независимых. Эх, где теперь те поморские девушки из Кеми и Холмогор?

Из коридорчика донесся грубый крик, и головка Ингрид пропала. Вместо нее просунулась страшная рожа капитана Хагена с мутными белесыми глазами. Он обвел этими гляделками пленников, сидевших на полу. Потом взгляд его остановился на стоящем Степане.

– Ты много разговариваешь, раб! – зарычал он. – Я прикажу снять с тебя кожу плеткой, если ты еще раз промолвишь хоть одно слово с Ингрид. Ясно тебе? Ты хоть представляешь, что я могу с тобой сделать, если захочу?

В глазах у Степана потемнело от охватившего его гнева. Еще иеромонах Алипий в холмогорском монастыре много раз назидательно говорил Степану:

– У тебя, Степушка, сынок, нрав уж больно крутой. Не по годам, да и не по ремеслу. Ты же рыбак, Степушка, а не воин грозный. Доведеет тебя гневливость до беды!

Степан зажмурился, чтобы не видеть физиономию разбойничьего капитана, и, стараясь говорить спокойно, негромко ответил:

– Это если захочешь. А захочешь ли? Ты ведь живешь торговлей людьми. А какому покупателю нужен человек со снятой кожей? Прогодаешь!

В ту минуту Степану вспомнилось, как его духовник в монастыре суровый отец Афанасий учил его смирять свой гнев. Нужно трижды повторить про себя: «Помяни, Господи, царя Давида и всю кротость его».

Насколько Степан помнил Священное Писание, как раз кротостью царь Давид вовсе не отличался, а один поступок его был уж вовсе возмутительным. Но совет отца Афанасия оказался действенным и часто помогал Степану сдерживать свой гнев.

Он открыл глаза и прямо взглянул в мутные глаза шведского разбойника.

– Ты должен беречь всех нас, Хаген, – сказал он. – Ты заплатил за нас деньги и собираешься на нас заработать. Так что береги нас, потому что деньги для тебя – самое главное.

Наверное, Степану показалось, но из-за дощатой двери послышался одобрительный смешок – это не удержалась красавица Ингрид, слышавшая весь разговор...

Капитан Хаген, видно, тоже услышал смешок, потому что лицо его побагровело.

– Мы поговорим с тобой отдельно, – взревел он еще громче прежнего. – Ты слишком умный для раба. Ничего, скоро поглупеешь.

Затем взгляд его остановился на сотнике Василии, который к утру уже окончательно пришел в себя. Степан с Лаврентием осмотрели его рану на щеке и убедились в том, что пока что она не начала гноиться.

– Ты кто? – спросил капитан. От его пронизывающего взора не укрылся дорогой кафтан, серебряные пуговицы на рукавах и шапка, отороченная ценным мехом. Наметанному глазу сразу ясно было, что человек не простой...

Василий значительно посмотрел на Хагена и медленно ответил:

– Сотник стрелецкого войска. Служивый человек московского царя. Отец мой – ближний боярин у государя Иоанна. Большие деньги получишь, если вернешь меня отцу.

Вероятно, разбойничий капитан уже не раз слышал такие предложения и успел выработать свое отношение к ним.

– Ну да, – грубо захохотал он, – твой отец повесит меня прежде, чем я получу от него деньги. Знаю я этих московских бояр! Нет уж, лучше получить за тебя сто золотых у алжирских пиратов, чем веревку на шею от твоего отца.

Потом Хаген внезапно усмехнулся и поглядел на Василия как-то странно.

– А ты ведь красавчик, – сказал он изменившимся голосом, – не подумаешь, что сотник московского царя. Прямо как девушка. Заходи ко мне, голубушка, скоротать вечерок.

Капитан Хаген убрал голову из окошка, и из коридорчика послышался его голос – он гнал прочь Ингрид. Она упиралась, говорила что-то дерзкое в ответ. Затем тяжелые шаги прогрохотали по лестнице, ведущей на палубу, и стихли.

* * *

Когда капитан ушел, в кубрике наступила тишина. Было слышно лишь, как плещет волна за бортом, как скрипят канаты на палубе и как тяжело, напряженно дышат пятнадцать человек, запертых в тесной духоте.

– Зря ты его задираешь, – сказал Ипат, покосившись на Степана. – Теперь он наш хозяин, а если ты его рассердишь, то всем нам станет тяжелее. О других не думаешь...

– Хозяину нужно угождать, – подхватил Агафон. – Какой ни есть, а он наш властелин. А ты что же: чуть что и отвечаешь дерзко.

Эти нравы, с которыми пришлось познакомиться в стрелецком войске, давно уж не нравились Степану. Только не было случая, чтобы сказать об этом.

– У меня нет никаких хозяев, – ответил он. – Я пошел на войну стрельцом и воевал за московского царя. Но и он мне не хозяин. Это у вас в Москве так принято: все либо холопы, либо хозяева. А у нас не так.

– У кого это у вас? – подозрительно прищурился Ипат.

– У поморов, – сказал Степан. – Мы – свободные люди и хоть любим Россию, но холопами быть не хотим. И не будем, ни у царя, ни у здешних разбойников.

– Ишь ты, какой выискался смелый, – ощерился Ипат, показывая мелкие черные зубы в обрамлении ярко-алых губ и черной курчавой бороды. – Вот шкуру-то с тебя снимут, как хозяин обещал, так забудешь такие смелые слова.

Другие стрельцы опасливо молчали. Из опыта многодневных хождений по морю на промыслы Степан понимал, что сейчас идет борьба за старшинство, за главенство. Пусть даже не физическое, а моральное.

Везде, где собираются несколько человек, почти немедленно начинается яростная борьба за авторитет, за место вождя и судьи. Будь это поморы на коче, или стрельцы в полку, или пленники, запертые в трюме пиратского корабля.

Сейчас ясно стало, что кандидатов в вожаки двое: Ипат и Степан. Ипат своим звериным нутром почуял это и первым напал на противника...

А что ж другие? Другие смотрели и ждали, кто выйдет победителем. Кто выйдет – тому они и покорятся.

Дверь кубрика открылась, и двое моряков подступили к Степану. Один здоровенным ключом открыл замок, которым ошейник крепился к цепи, а второй в это время стоял с длинной саблей в руке и угрожающе-мрачно смотрел на сидящих вокруг пленников.

Куда его ведут? Зачем?

Степан догадался, что это – следствие его разговора с капитаном. Вот сейчас и наступает расплата за храброе поведение, о которой предупреждал Хаген. А что? С него станется и выполнить свою угрозу. В конце концов, достаточно смирить одного, и все остальные смирятся уже навсегда. И чем жестче будет наказание смельчака, тем более это произведет впечатление на других.

Уже выходя из кубрика, подталкиваемый в спину моряками, Степан поймал испуганно-сочувственный взгляд Лаврентия и злорадные ухмылки Ипата и Агафона.

На палубе гулял ветер, день выдался хмурым. Соленые брызги от волн, бьющих о борта быстро идущего корабля, долетали до центра палубы. Стремительным взглядом Степан окинул все вокруг. Ну да, он все правильно оценил с первого раза.

Четыре пушки по левому борту, и четыре – по правому. Да еще одна затейливая маленькая пушечка на корме. Сама же корма большая – на ней даже помещается надстроенное помещение вроде маленького домика с оконцами в частом переплете.

На поморских кочах поверх палубы ничего не строили: товары, инструмент и сами люди находились внизу – в специально разгороженных помещениях. Но ведь этот корабль и больше самого большого коча раза в четыре...

– Иди туда, – толкнул Степана в спину сопровождающий. Они шли по палубе как раз в сторону кормового помещения, привлекая внимание помора.

Шли – сильно сказано. Все трое передвигались по палубе, хватаясь руками за парусные канаты – иначе их бы смело.

После духоты и зловония в кубрике Степан с наслаждением глотал свежий воздух и с каждым вздохом ощущал, как новые силы вливаются в него. Наверное, то же самое чувствует птица, выпущенная из тесной клетки на привычный простор...

Судно шло фордевинд – полным ветром, и ветер во всю силу, на какую он способен в открытом море, дул в паруса со стороны кормы. От порывов ветра корма даже несколько приподнималась, будто подсакивала, подгоняемая ветром, а нос корабля зарывался в волны.

У огромного деревянного руля стоял привязанный к нему кушаком рулевой. Он держал руль, но не крутил его – в этом не было необходимости: корабль двигался намеченным курсом, и нужно было только следить, чтоб не сбиться с него.

– Заходи, – с этими словами Степана втокнули в приоткрывшуюся для этого дверь кормовой каюты.

Как сразу же выяснилось, это была каюта Хагена. Разбойничий капитан сидел на кровати с балдахином, занимавшей почти все небольшое пространство. Эта кровать, покрытая грязным бархатным покрывалом красного цвета и с красным же балдахином, украшенным кистями, выглядела чужеродной в захламленной каюте. Поверх покрывала валялись развернутая старая морская карта, подзорная труба и изготовленная из металла большая круглая астролябия.

В углах каюты все оставшееся свободным место занимали несколько сундучков, обитых железом, с висячими замками. На полу в ногах капитана стоял деревянный бочонок, из которого тот периодически наливал темное пиво себе в глиняную кружку.

Увидев Степана, Хаген недобро усмехнулся и тотчас же рявкнул что-то по-шведски. После нескольких повторений Степан догадался, чего хочет разбойник, и это привело его в ужас. Поняв, что пленник не собирается исполнять приказ, Хаген отдал приказание своим морякам, и те принялись молча сдирать со Степана одежду.

Сделать это было нелегко, потому что кафтан застегивался на множество пуговиц сверху донизу, а под ним была еще рубаха с несколькими завязками.

Испугавшись, что бесцеремонные пираты изорвут всю одежду, Степан, наконец, сдался и закричал, что разденется сам.

Он раздевался и сам не верил в происходящее. Зачем капитану это нужно? С какой стати раздевать пленника?

По тому, как Хаген смотрел на Василия и что сказал ему напоследок, Степан уже догадался об извращенных пристрастиях капитана. С этими вещами ему приходилось сталкиваться и раньше. Когда поморы уходили в дальнее плавание на Грумант или далеко на восток, вдоль сибирского берега, и промысел длился долго, кто-то не выдерживал отсутствия женщин. Между крепкими матерыми рыбаками и их более молодыми товарищами иной раз возникали отношения, о которых не принято распространяться. Но это никогда не было связано с насилием: просто в суровых условиях севера и при длительном полном отсутствии женщин люди тянулись друг к другу.

Конечно, все знали, что это – грех: священник в церкви иногда касался в проповеди этой темы, так что позорной слабости стыдились и избегали даже говорить о ней – разве только на исповеди...

Кроме того, Степан никогда не воспринимал себя в качестве объекта мужского вожделения. По опыту он знал, что людей типа Хагена интересуют юноши – тонкие, с нежной кожей – похожие на женщин. Но не Степан же! Он совсем не такой: во-первых, далеко не юноша, а во-вторых с его мускулатурой, с обветренным лицом бывалого помора, с первыми седыми волосками в бороде...

Оставшись обнаженным, он встал перед капитаном и сказал:

– Если ты дотронешься до меня, ты будешь мертв. Я убью тебя.

Лицо Степана в это мгновение было таким, что если Хаген не понял слов, то смысл он понял отлично. Однако, против ожиданий Степана, который уже был готов ко всему, вплоть до смерти, разбойник лишь презрительно засмеялся и покачал головой.

– Ты мне не нужен, – сказал он. – Камень. Отдай камень, где ты его прядешь?

– Какой камень?

Мысли Степана были настолько заняты другим, что сначала он даже не понял. Потом понял, и наступило облегчение – смерть в схватке откладывалась на некоторое время. Если

бы капитан вдруг захотел обесчестить его, Степан стал бы драться и дрался бы до смерти – он внутренне уже был готов к этому.

Но если капитану нужен волшебный камень, то это облегчает положение.

– Ты знаешь, какой камень! – рявкнул Хаген, вскочив и становясь вплотную к пленнику. Из его рта доносилось нечистое дыхание вперемешку с кислым запахом пива.

– У меня нет никакого камня, – спокойно ответил Степан, закладывая руки за спину. – Я не понимаю, о чем ты говоришь.

Они стояли напротив друг друга: коренастый Хаген с багровым лицом, с короткой, как у хряка, шеей, на коротких кривых ногах, и высокий обнаженный Степан, на голову выше своего владельца. Хотя нет, сам Степан никогда бы никого не признал своим владельцем!

– Я – стрелец русского царя, – сказал он. – Меня зовут Степан Кольцо, и я взят в плен в бою. – Он ткнул пальцем в грудь коротышки-капитана: – А ты кто такой? Это ты взял меня в плен? Нет, не ты? Тогда почему ты посадил меня на цепь и почему мной командуешь?

Хаген что-то сказал, и один из моряков, стоявших позади помора, ударил его кулаком в затылок. Ударил так сильно, что у Степана закружилась голова, и слезы выступили из глаз. Он пошатнулся, и тут на него обрушился второй удар – сбоку, в ухо.

«Сейчас я упаду, и меня станут бить ногами, – мелькнула отчаянная мысль. – Будут топтать ногами, как делают с пойманными на рынке ворами. Меня – Степана Кольцо! И кто будет топтать? Какие-то разбойники, по которым плачет топор палача или веревка!»

В одно мгновение он разогнулся и, развернувшись, ударил кулаком по лицу стоявшего позади матроса. Тот отлетел в сторону и ударился головой о низкую потолочную балку. Из носа у него пошла кровь.

В этот момент второй моряк выхватил из-за широкого кожаного пояса нож и попытался ударить им Степана в плечо. Но в каюте было тесно, он замешкался, а разъяренный помор, напротив, был подобен сжатой пружине – настолько стремительно он действовал.

Перехватив руку с ножом, Степан врезал матросику по морде. На этот раз он уже не сдерживал своей силы – ударил со всей мощи. Послышался хруст ломаемых передних зубов – теперь парень до конца жизни останется щербатым! Девушки будут смеяться над беззубым!

В Поморском крае парни часто дрались между собой – деревня на деревню, и старшие смотрели на кулачную потеху спокойно. Надо же юношам показать свое удалство! Но зубов и глаз старались не выбивать – не портить внешность. Кулачный бой – это не война, ведь дерутся соседи, которым предстоит вместе работать, или они женятся на сестрах друг друга...

Но здесь была не кулачная потеха! Моряки стали первыми бить Степана, да еще голого. А голый человек чувствует себя особенно незащищенным перед одетыми.

Рванув руку моряка, Степан заставил его выронить нож. После чего обернулся к Хагену, который бросился к своей кровати, на которой лежала сабля, и теперь лихорадочно дергавший ее, чтобы вытащить из ножен. Круглые глаза его были налиты яростью и страхом – сабля застряла в ножнах и не выдергивалась...

«Убить его? – подумал Степан – Легко!»

Он знал, что не остановится перед убийством любого из этих негодяев. Никаких сомнений у него не было, и рука бы не дрогнула. Но что делать дальше? На корабле полно вооруженных людей, и все они конечно же не робкого десятка. С двумя он справился, но как будет с остальными? А помощи ждать неоткуда: все потенциальные помощники сидят в цепях под палубой...

– Капитан, – сказал Степан, обращаясь к побагровевшему Хагену, который застыл с ножами в руках, глядя на него. – Давай договоримся. Я не буду сейчас тебя убивать, хотя могу. Но ты никогда не будешь бить меня и других пленников. И команде своей запретишь. Договорились? Потому что мы – воины великого русского государя, а не рабы.

– Вы – рабы, – сквозь зубы проговорил Хаген, – я купил вас за деньги.

– Командир отряда не имел права продавать нас тебе, – возразил Степан, – ты сам прекрасно это знаешь. Вы оба нарушили закон. На любой войне пленников обменивают, а не продают.

В этот момент дверь каюты распахнулась и, привлеченные возней и звуками борьбы, влетели сразу несколько пиратов. Лица их не предвещали ничего хорошего, но разбойничий начальник остановил их.

– Общайте его одежду, – приказал он, указывая на кафтан, рубаху и штаны Степана, брошенные на пол. – Ищите все, что попадется, особенно – камень.

Он с ненавистью посмотрел на норовистого пленника, но больше к нему не обращался. Только глядел на то, как его подручные ощупывают одежду Степана, медленно перебирая пальцами ткань.

Моряк, которому Степан выбил зубы, буквально рычал от боли и ярости. Это был белесый и рыхлый человек с круглым, словно у бабы, лицом, но по глазам видно было, что шутки с ним плохи.

– Пойди и умойся, Стик, – сказал ему Хаген, не скрывая пренебрежения. – Потерял пару зубов? Ничего, вырастут... – Он ухмыльнулся. – Наверное, ты ребенок, раз позволил безоружному человеку искалечить себя и отобрать нож. Иди, иди. Впредь будешь половчее.

Стик пошевелил окровавленными губами и выплюнул выбитые осколки зубов на ладонь.

«Ну, этот уж точно стал моим смертельным врагом, – подумал помор. – Конечно, сам виноват – кто заставлял его угрожать ножом? Я их не трогал, а они...»

Но впредь следует быть с этим парнем поосторожнее. Случись что, и он не упустит случая отомстить. Степан уже не раз замечал, что толстые неловкие увальни зачастую бывают страшно мстительными. Наверное, их обижают всю жизнь, а они, не в силах постоять за себя, молчат, терпят и только копят внутри себя лютую злобу в ожидании, когда можно будет дать ей выход. Но когда случай подвернется – тогда уж точно не будет пощады всем красивым и сильным людям. На них изольется вся скопившаяся за годы бессилия и трусости ненависть.

Естественно, никакого камня в одежде Степана не нашли, и взбешенный Хаген приказал увести пленника обратно, вниз.

Едва это произошло, как пираты стали по одному таскать наверх всех стрельцов, привезенных на корабль накануне. Видимо, Хаген заметил, что его камень потеплел, и стремился найти того, у кого есть такой же...

Стрельцов приводили и уводили, в этой нервной сумятице и звяканье отпираемых и запираемых замков на ошейниках прошла половина дня. Когда в свой черед наверх утащили Лаврентия, Степан предложил другу на время отдать камень Алатырь ему на хранение, чтоб не нашли.

Но Лаврентий только усмехнулся.

– Так было бы очень просто, – ответил он. – Дело в том, что Алатырь нельзя никому передавать. То есть передавать можно, но тогда ты сам навсегда лишишься его силы.

Камень служил только тому человеку, к которому он перешел, и никогда уже не служил прежнему владельцу. Единожды отдав его, ты навсегда лишился права на него.

– А ты не боишься? Ведь могут найти, – одними губами прошептал Степан напоследок.

– Боюсь, конечно, – слабо улыбнулся бледным и каким-то сосредоточенным лицом Лаврентий. – Но ведь пока камень у меня, я могу рассчитывать на его помощь.

– Но и у Хагена есть камень, – возразил Степан, на что колдун только опять улыбнулся и промолчал.

Когда Лаврентия вернули в кубрик и снова защелкнули тяжелый замок на его цепи, Степан по умиротворенному выражению лица друга понял, что с камнем все в порядке – Алатырь цел.

– Куда ты его спрятал? – поинтересовался он облегченно.

– Никуда не прятал, – как-то отрешенно произнес товарищ. Он сидел рядом, закрыв глаза, и еле дышал – на лбу выступили капельки пота. Руки у колдуна были холодные и мелко тряслись, как после очень сильного напряжения. Да так оно и было на самом деле.

– Они его не заметили, – прошептал Лаврентий, не открывая смеженных глаз. – Точнее, не увидели.

Выйдя на палубу для обыска, Лаврентий снял с шеи мешочек с камнем и держал его зажатым в руке. Разделся, и пока матросы обыскивали одежду, все время не выпускал Алатырь из руки.

– Только вот что получилось, – сказал колдун, разжимая кулак и показывая Степану ладонь с ярко-красным пятном вздувшейся кожи. – Очень больно было. Теперь пузыри пойдут от ожога...

Оказывается, капитан Хаген со своим камнем стоял совсем рядом. Он не смотрел на обыск, а глядел в открытое море. Видимо, его камень лежал в кармане куртки или в каком-то твердом футляре, так что капитан не ощутил жжения и не заметил, что второй камень, который он ищет с таким упорством, находится совсем рядом.

– Я теперь понял, – продолжал Лаврентий тихим слабым голосом, – чем ближе камни друг к другу, тем сильнее они нагреваются. Раньше я этого не знал, и дедушка не рассказывал. Наверное, и он никогда не видел другого такого же камня.

На палубе ладонь Лаврентия жгло нестерпимо. А он стоял голый перед обыскивающими его пиратами и напрягался изо всех своих колдовских сил, чтобы зачаровать их – не дать им увидеть очевидное. Чему-чему, а этому дедушка научил внука неплохо.

– Трудно было их зачаровать? – спросил Степан.

– Нет, этих не трудно, – покачал головой колдун. – Они обыскивали меня, а думали каждый о своем. Им было неинтересно искать камень, они не понимали, зачем это нужно. И думали о другом, расслабились...

– Ты знаешь, о чем они думали? – на всякий случай уточнил Степан. Об этой своей способности друг ему никогда не рассказывал, а самому Степану это не приходило в голову. Теперь вдруг пришло. Что ж, если дело обстоит именно так, впредь следует в присутствии Лаврентия думать поосторожнее. Хоть они с ним и близкие друзья, но все же не каждая мысль предназначена для того, чтобы ее знали другие.

– Я не вслушивался в их мысли, – пожал плечами колдун. – Мне это было неважно. Главное мне удалось – они не увидели камня.

Он улыбнулся и добавил:

– Вот если бы Хаген сам обыскивал меня, с ним бы у меня ничего не получилось. Но камень заставил его отвернуться.

– А почему камень помогает тебе и не помогает ему? – задал Степан вопрос, который уже давно задавал себе. – Ведь вы оба владеете Алатырем.

– Бел-Горюч камень Алатырь любит помогать добрым людям в добрых делах, – загадочно ответил Лаврентий. – Камню не все равно. Дедушка мне так и объяснял. Он потому и называл себя белым колдуном.

Об этом Степан знал, как всякий помор: колдуны бывают белые и черные. Каждый колдун сам выбирает для себя, откуда черпать свою магическую силу. Белый колдун – это тот, кто творит свои чародейства именем Бога, а именем Бога Всемогущего можно творить только хорошие дела.

А черный колдун вершит свои дела именем Дьявола – Врага рода человеческого, Отца всякого зла.

– Дедушка колдовал, и мне силу свою передал, – объяснил Лаврентий. – Мы творим чудеса и знамения силой Отца Небесного, силой Иисуса Христа и Пресвятой Богородицы. И в

церковь Божию я хожу, ты сам знаешь. А черного колдуна от церкви воротит, он туда и войти не может – его вывернет наизнанку, в нем бес сидит и им владеет.

– Хаген – черный колдун? – спросил Степан, на что друг презрительно усмехнулся.

– Хаген – вообще не колдун, а разбойник, – ответил он. – Не знаю, каким образом попал к нему камень Алатырь, но это – случайность. Душа у него черная, и он наполнен грязью от пяток до головы. Но он не черный колдун.

Глава III

Ингрид из Або

На третий день пути волнение на море усилилось, и начался шторм. Пленники узнали об этом по сильной качке и по тому, с каким гулом били волны в борт корабля. Отсюда, из трюма шторм казался сокрушительным – снаружи все выло и грохотало. Пленников в кубрике бросало из стороны в сторону, они валились друг на друга, их цепи при этом гремели...

Думать о том, что случится, если корабль начнет тонуть, вовсе не хотелось – в этом случае финал был предрешен. Никто не бросится расковырять узников, каждый станет спасать себя, и прикованные к стенкам трюма пленники все пойдут на дно вместе с кораблем.

С палубы сквозь рев ветра доносились крики капитана Хагена, отдававшего распоряжения, а из коридорчика – топот моряков, носившихся, как угорелые, туда-сюда.

Стрельцы громко молились, призывая на помощь Николая-угодника – известного покровителя моряков, а эстонские рыбаки и оба помора угрюмо молчали: им слишком хорошо известно было, как трудно небольшому кораблю бороться с бурей в открытом море...

«Хорошо, что они догадались вовремя убрать паруса, – думал Степан, – иначе нас бы давно перевернуло ветром. Впрочем, это еще может произойти в любой момент – мачты у корабля высоковаты...»

Ему многие годы приходилось ходить на корабле по бурному морю. Степан видел штормы и бури: Белое море сурово во все времена года. Много лет Степан был кормщиком – поморское название капитана, и теперь, сидя здесь в вонючем трюме, он жалел о том, что не может оказаться наверху и принять участие в спасении корабля. Хотя управлять кочем и этим кораблем – совсем не одно и то же.

– Жаль, что мачты высоковаты, – снова и снова возвращался он мыслью к пугающей его детали. – Высокие мачты даже без парусов сами по себе парусят и могут перевернуть судно.

На поморских кочах мачты невысокие – пригодные к северным студеным ветрам. Когда из Арктики задует ветер, да как пойдет гулять по Белому морю – тут с высокими мачтами живо окажешься на дне.

К счастью, шторм был хоть и долгим, но не слишком сокрушительным – команда справилась. Однако в течение двух дней моряки сбивались с ног и валились от усталости – до пленников никому не было дела.

О них заботилась только Ингрид, которой никто теперь не мешал.

Конечно, похлебку никто не варил, да и вообще капитан приказал загасить всякий огонь, чтоб при такой качке не случилось пожара. Поэтому из еды Ингрид носила узникам только сухой заплесневелый горох, который было невозможно разжевать с первого раза, и приходилось долго держать во рту, чтоб он размягчился.

Запасы продовольствия на корабле вообще были довольно скудными, но Хаген экономил на пленниках, как только мог. В распоряжении Ингрид имелась лишь бочка с сушеным горохом...

Зато теперь пленники могли болтать с девушкой сколько угодно – никто не мешал. Но вести, сообщенные ею, не были радостными.

Бриг «Sten» шел по Балтике на запад, направляясь в сторону Северного моря к проливу Ла-Манш. А дальше путь лежал снова на запад и потом на юг – огибая Испанию, – Иберийский полуостров. И там, вблизи острова Мадейра, в открытом океане назначена встреча с кораблями алжирских пиратов.

Галеры алжирских пиратов отважно пересекали северные для них воды и доходили до Мадейры с одной лишь, но самой важной для них целью – купить белых рабов. Рабы – крайне

ценный товар, пользующийся спросом повсюду, и алжирские пираты считали себя главными специалистами в нем.

Сильных и крепких мужчин можно было перепродать гребцами на галеры либо в Северную Африку, где из них сделают сельскохозяйственных рабов. Но главным покупателем была, конечно, Оттоманская империя, испытывавшая постоянную нехватку в рабочей силе. Жизнь раба там была коротка, но приносила султанам большую пользу...

Для Ингрид это был второй рейс. Она с содроганием вспоминала, как несчастных пленников вытащили из трюма и, сняв с них пиратские цепи, тотчас заковали в другие – уже алжирские. А дальше этих людей ждали нескончаемые мучения: девушка случайно услышала, что всех рабов пираты забрали к себе гребцами на галеры.

Жизнь раба на галере, прикованного навечно цепью за ногу к веслу, – этому не позавидует никто. Весло станет всей твоей жизнью. Оно заменит тебе мать, отца, жену, возлюбленную – в твоей жизни отныне будет только оно.

Палит беспощадное солнце, свищет бич надсмотрщика, стучит барабан на корме, регулирующий скорость гребли, – и так всю жизнь, до самой смерти, которая придет к тебе здесь же. И ты умрешь от солнечного удара, от голода, от истощения, от ударов беспощадным бичом и упадешь лицом на весло, к которому прикован. Только смерть освободит тебя от этого проклятого весла.

– Так вот что нас ждет, – пробормотал Ипат, когда Степан с Лаврентием пересказали товарищам по несчастью рассказ Ингрид.

– Лучше уж смерть, чем такая жизнь.

С ним, казалось, были согласны все остальные. Агафон угрюмо молчал, перебирая подол рубахи и глядя в пол. Демид снова вспомнил о жене и двух дочках и, наконец, не выдержав, расплакался. Сотник Василий с ужасом глядел перед собой округлившимися глазами. Ему-то, боярскому сыну, совсем тяжело было представить себя пожизненным рабом на галере...

Но что могут они поделать – посаженные на цепи в трюме пиратского корабля?

В кубрике окончательно воцарилось уныние: нарисованная перспектива ужасала. Правда, Лаврентий проявлял необыкновенное спокойствие. Он вертел головой, всматриваясь в заросшие бородами лица товарищей по несчастью, либо сидел, закрыв глаза и словно думая о чем-то. Иногда он трогал пальцами мешочек с волшебным камнем, снова повешенный на шею, и чему-то улыбался.

Взглянув на товарища, Степан в конце концов решился спросить его:

– Ты почему так спокоен, Лаврентий? И даже улыбаешься. Тебя что, не пугает рабство?

– Пугает, – пробормотал друг, открывая глаза. – Правда, мы и теперь уже рабы, разве нет? Я это предвидел, ты помнишь? Мне было видение...

Он посмотрел на Степана и вдруг снова улыбнулся:

– А теперь у меня другое видение. В нем мы с тобой не рабы, а свободные люди.

Это взбодрило Степана. Он уже успел убедиться в том, что хоть видит колдун и нечетко, но его видения действительно сбываются.

– Расскажешь? – с надеждой спросил он, но Лаврентий отрицательно помотал головой.

– Нет, – сказал он, – это дурная примета. Нельзя рассказывать того, что видишь, – может не сбыться. К тому же видел я очень неясно, будто в мутной воде, да еще все колебалось. А это значит, что все может повернуться так, а может и совсем не так.

– А в видении тебе не было откровения о том, что нам следует делать? – поинтересовался Степан. – Как быть, что предпринимать?

– Что же мы можем сейчас предпринять? А к тому же предпринимать – это по твоей части, Степушка, – с блаженной улыбкой ответил Лаврентий. – Давай уж так и договоримся на будущее. Ну, конечно, если у нас и правда есть какое-то будущее, – оговорился он. – Ты будешь

доверять мне насчет колдовства и видений, а я тебе – по части того, что следует предпринять. Идет?

Степан кивнул. Насчет будущего и вправду все оставалось неясным. Точнее, слишком уж ясным, если ничего не делать. Будущего не состоится. Ни у него, ни у Лаврентия, ни у сотника Василия, Демида, Ипата, Агафона и всех остальных, запертых здесь и посаженных на цепь. Потому что стать рабом, прикованным к веслу на алжирской галере, – это не будущее...

Всех мучил голод, от сухого гороха урчало в животах, а шторму на Балтике конца не было видно.

– Ты сказала, что тоже находишься на этом корабле не по своей воле, – спросил Степан у Ингрид, когда девушка в очередной раз принесла порцию еды в подоле своего передника. – Это правда? Ты тоже невольница, как мы?

Ингрид печально улыбнулась.

– Невольница, – ответила она, – но не как вы, а по-другому. Впрочем, сути дела это все равно не меняет. Как и все вы, больше всего на свете я хочу выбраться отсюда и получить свободу. Как и вам, мне это, скорее всего, не удастся.

В промежутках, когда ветер немного стихал и бешеная волна не слишком швыряла корабль из стороны в сторону, Ингрид поведала Степану историю своего появления на разбойничьем корабле.

Она родилась и выросла в Або – портовом городе на берегу Ботнического залива. Отсюда корабли идут в Стокгольм, в Ригу, Любек, Копенгаген и еще дальше – через Ла-Манш в Англию, Францию и по всему морю-океану. Або стоит на берегу моря, и море врывается в каждый дом. Все жители Або – моряки, если не по профессии, то по натуре...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.